

Евгений ГОРОДЕЦКИЙ

С ПЕЧАЛЬЮ, ГНЕВОМ И ЛЮБОВЬЮ

Завтра нашему земляку писателю лауреату Государственных премий Виктору Петровичу АСТАФЬЕВУ исполняется 60 лет.

НЕ ПОМНЮ точно — году, кажется, в шестьдесят седьмом получил я по подписке очередной номер «Нового мира». Перелистал, прежде чем читать все подряд, и вижу незнакомое имя: Виктор Астафьев. «Ясным ли днем». Рассказ. Внимание мое привлекло посвящение: «Памяти великого русского певца Александра Пирогова». Раз Пирогов, думаю, значит, про пение, это интересно. И стал читать.

И первый же абзац, первая музыкальная полуфраза: «И в городе падал лист» вызвала ответное звучание струн души, и лад этот до самого конца повествования ни разу не омрачился сбоем, фальшивой нотой.

И детали предельно точные, одна другой выразительней: тополиный лист «лежал кругами возле деревьев, серея шершавой изнанкой»; врачебный кабинет, напоминающий «скудный базаришко, потому как вешалка была на пять крючков и ее заняли врачи, а пациенты складывали одежду на стулья и на пол»; пришедший на медосмотр инвалид Сергей Митрофанович попрыгал к своим вещам на стуле, и «пустая кальсонина болталась, стегая тесемками по стульям и выношенной ковровой дорожке...» Со щедростью большого таланта незнакомый мне автор дарил читателю новые и новые подробности, яркие и многоцветные, как букетики осенних листьев.

А сколько героев населяло этот не такой уж большой по объему и традиционный по форме рассказ: стриженные ребята-призывники, провожающие их девчонки, жена Сергея Митрофановича Пания, Панина мать... И в каждом свой характер, биография, даже судьба каждого угадывается за рамками рассказа в обозримом будущем. Налицо были все приметы настоящей большой прозы. Ну и, конечно, главный герой Сергей Митрофанович — инвалид с культей вместо ноги, русский солдат, русский человек. Вот что писал Астафьев о своем герое: «В голосе его без пьяной мужицкой дикости, но и без вышколенной лощености, угадывался весь его характер, вся душа — приветная и уступчивая. Он давал рассмотреть всего себя оттого, что не было в нем хлама, темени, потайных закоулков. Полуприщуренный взгляд его был смягчен временем, усталостью и тем пониманием жизни, которое дается людям, познавшим смерть».

Виделся в облике Сергея Митрофановича четкое и полно выраженный национальный тип, совершенно определенно угадывался нравственный идеал автора. Все это я тогда, почти полтора десятка лет назад, не столько понял, сколько почувствовал и, дочитав рассказ, подумал: какой хороший писатель! Как сильно и правдиво пишет, и какая музыка в его прозе, в каждой фразе — музыка...

Жил я тогда в литературной провинции, ходил в начинающих авторах и за новинками русской советской литературы следил только по журналу «Новый мир». Я не знал, что к тому времени были уже опубликованы повести Астафьева «Стародуб», «Перевал», «Кража», «Последний поклон», наконец, «Пастух и пастушка», что был он уже известным писателем, членом редколлегии журнала «Наш современник». Для меня Виктор Астафьев начался именно с этого рассказа.

А пять лет спустя, когда я уже переехал в Новосибирск, волею судеб мы познакомились лично.

В сентябре 1972 года мне довелось участвовать в неделе писателей РСФСР в Томской области. Народу в той поездке было много и всюду, бригаду литераторов

возглавлял Лев Ошанин, а от Вологодской писательской организации присутствовал Виктор Астафьев. Помню, меня он поразило с первого взгляда. Задубелое морщинистое лицо, голос крепкий, хрипловатый. Ничего интеллектуального, «писательского» во внешности его не было, а тут еще этот глаз покаленный... Но вот заговорили о Сибири, о родных Виктору Петровичу местах, и лицо его стало строгим и печальным, зазвучали в голосе неприкрытая нежность и тоска, и услышал я в интонации его ту же музыку, что звучала в пленившем меня рассказе и во всех последующих для меня вещах, которые я кинулся раздобывать тогда по библиотекам. Он это, он!

Обские берега в среднем течении ровные, пологие, довольно однообразные, слева тянется и тянется по-над пойменной террасой невысокий песчаный обрыв, правый берег совсем низкий, в отменяях; тальники местами опускаются к самой воде. Пароходчик наш неспешно крутил колесами, плыл себе и плыл вниз по течению, будоража желтоватую обскую воду, а мы грудились на палубе, прятались от ветра за рубкой. Смотреть в общем-то было не на что, но все равно неизъяснимая притягательность таилась в окружающих нас просторах под широким и хмурым в ту пору небом. Виктор Петрович поднимал воротник тоненького своего пальтишка «джерси», ежился, но вниз не шел, был молчалив и сосредоточен, рассеянно слушал пояснения хозяйственничек. Истосковался он по своей родине: и хоть обские берега уступают по живописности енисейским, да и мощь воды не та, все же это Сибирь...

В первые день-два компания наша разделилась «по интересам» — поэты больше тяготели ко Льву Ивановичу Ошанину, прозаики — к Виктору Петровичу. Блестящий рассказчик, балагур, остролов, он любит и умеет быть в центре внимания, и когда в ударе, окружающие, что называется, со смеху покатываются.

Сидим в салоне, все в сборе. Лев Иванович чаще всего при галстукке, подтянут, приветливо сдержан, и разговор там у них свой, поэтический, о высоких материях. Поодаль другая группа. Виктор Петрович в затрапезном свитерочке, из-под которого иной раз и подол рубахи выглядывает, грубоватым своим голосом ведет одну из историй, которых цепкая его память содержит в неисчислимом количестве; во всяком случае, при мне он ни разу не повторился; иногда сам не выдержит, рассмеется коротким отрывистым смешком, а мы уже обессиленно стонем и руками машем — хватит, дескать, уморил. Позтов взрывы нашего хохотабирского рассказа». Издание

сбивают с элегического настроения, они все чаще умолкают, прислушиваются к тому, что там «на семинаре прозы» происходит, и по одному пересаживаются поближе. И скоро компания становится единой, и в центре — Виктор Петрович, и уже, наверное, не просто вспоминает, а вдохновенно импровизирует, многие из этих устных рассказов отольются потом в строки его прозы.

Этот воистину божий дар человеческого общения, свойство быть душой компании, вообще людского сообщества, не раз выручало Виктора Петровича, потому что таких, как он, уважают в народе за честность, прямоту и веселый нрав, да попросту любят.

Однако не все наше общение сводилось к зубоскальству. Были и серьезные разговоры, очень откровенные, доверительные, словно бы один на один, разговоры острые, едкие — вспомните некрасовское: «Кто живет без печали и гнева, тот не любит отчужденности своей...» Виктор Петрович говорил, что думал. Этим-то он и покоряет тех, кто с ним водится: всегда и везде, при любых обстоятельствах остается самим собой, тем Астафьевым, которого мы давно уже знаем и любим — в разговорах, в помыслах, в прозе своей. А то ведь иной как: говорит одно, пишет другое, и бог знает, что у него на уме, потому что не веришь ни тому, ни другому.

Для меня же лично Виктор Петрович — будь то в веселую минуту или же по-деловому серьезную — в сердцевине своей всегда представляется прототипом Сергея Митрофановича, с упоминания о котором я начал эти заметки.

Кончилась наша поездка по гостеприимной томской земле. Многие дала она каждому из нас; познакомила с прекрасными местами, подаряла радость общения с незнакомыми прежде людьми, показала лицевую и оборотную сторону нефтедобычи — разве забудешь такое? Перед разездом обменялись адресами, Лев Иванович и Виктор Петрович одарили нас своими книжками, сдѣлав на них дружественные надписи. С тем и расстались.

Предприимчивые молодые литераторы в поездках, подобных нашей, не упускают возможности ухватить какую-нибудь выгоду от общения с именитыми: тому рекомендация для Союза писателей, за того где-то словечко замолвить и так далее. Поимел и я свой интерес: именно тогда, во время путешествия по Томской области, пришли мне в голову две идеи, которые со временем удалось осуществить. Первая — насчет «Ситов взрывы нашего хохотабирского рассказа». Издание

это позволило бы нашему Запсибиздату печатать авторов, которые связаны с Сибирью темой, но имеют в паспорте прописку, скажем, московскую или вологодскую, или уж вовсе далекую от нашей зоны. Издательство подержало этот замысел, в результате к настоящему времени увидели свет уже три составленных мною выпуска, и вещи Виктора Петровича — новеллы и «Затеси» — украшают собой все три.

Другая идея заключалась в том, чтобы прокатиться с Виктором Петровичем по Енисею, от Красноярска до Игарки, например, и не на рейсовом теплоходе, где, конечно, комфорта, буфет, ресторан и прочие прелести и где с утра до ночи гремит над головой радиомызыка, а на самоходной барже. В моем распоряжении стометровая палуба, и ни души, команда занята своим делом, свободные от вахты отдыхают, можешь часами стоять у борта, облокотясь на леерное ограждение, смотреть, думать, вспоминать, и никто не нарушит твоего уединения. Опыт такой поездки уже был: первое, что я сделал, переехав в Новосибирск, это собрал компанию и, пользуясь традиционным расположением енисейских речников к пиущей братии, совершил туристическую поездку до Туруханска и по Нижней Тунгуске. Десять лет назад там пролегли мои геологические маршруты.

Виктор Петрович не замедлил откликнуться:

«Насчет поездки по Енисею надо подумать. Я-то всегда готов по нему ездить и даже утонуть в нем от любви к родной земле, да обстоятельство, знаешь сам, превыше нас бывают. Надо вот еще роман ковырять, раз начал...»

Поездка наша предполагалась в первых числах июля, а в конце июня все мы, сестеро ее участников, собрались в Красноярске. Кое-что пришлось согласовывать, организовывать в последний момент, все эти мелкие неувязки нервировали, а тут еще один из спутников Виктора Петровича немало крови нам попортил своим куражом и баламутством. Ну, все это пустяки, досадные издержки людской общительности. Главное началось, когда мы всей командой прикатили в Ювянку, на родину Виктора Петровича.

Добротные избы под железом или шифером, асфальтовая дорога, мачты ЛЭП, несущие куда-то вдаль провисшие дуги тяжелых проводов. Ровный пологий увал, уходящий к известному заповеднику «Столбы» — все на этом берегу. Енисей здесь не широк, но стремителен, течение видно по всей поверхности, от самого бечевника. А на том берегу — темные крутые скалы, обрывающиеся прямо в воду и обнажающие смятые слои пород, выше гористый склон, покрытый тайгой, кое-где порубки видны. Вроде и окультуренное, освоенное место, а все равно дышит какой-то дикостью, своеволием. На этих берегах Астафьев вырос, эти горы и эта мощная светлая вода всегда были у него перед глазами. И всем нам, гостям Виктора Петровича, подумалось, а кто-то и вслух высказал, что такая земля не могла не родить своего певца, защитника и радателя...

Сперва двинулись на кладбище, поклониться праху Екатерины Петровны Потылицыной, бабушки писателя и любимого его литературного героя. Виктор Петрович положил на заросшую могилку букет полевых цветов. Постоял, обхватив подбородок ладонью, и пошел прочь, пробираясь между оградок, а мы гуськом за ним следом.

В деревне нас уже ждали, и познакомились мы тут с родней Виктора Петровича, большей частью уже знакомой по его книгам, ближней и дальней, для которых он сроду был Витей, Витькой, своим, кровным, овсянкинским, и вместе с тем уже очень далеким, писателем городским, и в обращении к нему нет-нет да и проскользнет почтительная отстраненность. А впрочем, может быть, мне так показалося.

(Окончание следует).

НА СНИМКАХ: В. П. Астафьев со школьниками; на родной земле. Фото А. Белоногова.

